

Оксана Сергеевна Иссерс

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Омск, Россия
e-mail: isserso@mail.ru

Анастасия Владимировна Журова

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, старший преподаватель кафедры иностранных языков для специальных целей, Омск, Россия
e-mail: ZhurovaAV@omsu.ru

Имплицитность как способ речевого маневрирования в публичной коммуникации

Аннотация. В статье анализируются коммуникативные приемы ухода от коммуникативных рисков в публичном общении посредством имплицитных речевых актов. В качестве материала использованы диалоги из трех авторских программ в формате интервью («ВДудь» Ю. Дудя, «Судьба человека» Б. Корчевникова, «Познер» В. Познера). Выделены и проанализированы коммуникативные ходы участников публичного диалога, осуществленные ими с целью уйти от нежелательного вопроса, поддержать собственный имидж и др. Авторы выделяют следующие приемы речевого маневрирования на прагматическом уровне: прямой отказ отвечать, уклонение от ответа, шутка, ирония, игра слов, намек.

Ключевые слова: коммуникативные нормы, речевое маневрирование, коммуникативный риск, имплицитность, косвенный речевой акт, жанр интервью.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 22-28-01963 «Диалогическая коммуникация в новых медийных практиках: социокультурная, прагматилистическая и коммуникативная специфика».

Oksana S. Issers

Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Omsk, Russia
e-mail: isserso@mail.ru

Anastasia V. Zhurova

Dostoevsky Omsk State University, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages for Specific Purposes,
Omsk, Russia
e-mail: ZhurovaAV@omsu.ru

Implicitness As a Way of Speech Maneuvering in Public Communication

Abstract. The article analyses communicative methods of avoiding communicative risks in public communication through implicit speech acts. Dialogues from three author's programs in the interview format were used as material ("Vdud" by Y. Dud, "Sud'ba Cheloveka" (the Fate of a Man) by B. Korchevnikov, "Pozner" by V. Pozner). The communicative turns of the participants in the public dialogue, carried out by them in order to avoid an unwanted question, maintain their own image, etc., are identified and analysed. The authors distinguish the following speech maneuvering tactics at the pragmatic level: a flat refusal to answer, evading a question, a joke, irony, wordplay, hint.

Keywords: communication norms, speech maneuvering, communication risk, implicitness, indirect speech act, interview genre.

Acknowledgments. The reported study was funded by RSF, project No. 22-28-01963 "Dialogic Communication in New Media Practices: Sociocultural, Pragmastylistic and Communicative Features".

Введение (Introduction)

Почти любое человеческое общение считается условно конфликтотенным: по мнению М. А. Кормилицыной, «...рискотенны почти все коммуникативные акты» [1, с. 9]. Коммуникативные риски обусловлены различными социолингвистическими, лингвокультурологическими, когнитивными факторами и представляют собой отражение коммуникативных норм на текущем этапе развития того или иного социума.

Уход от коммуникативных рисков может быть осуществлен посредством специального комплекса речевых дей-

ствий.

© Иссерс О. С., Журова А. В., 2022

Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования, 2022, № 1 (34), с. 82–86.
Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research, 2022, no. 1 (34), pp. 82–86.

ствий, или *речевого маневрирования*. Изначально, попадая в ту или иную тематическую зону общения, говорящие оценивают коммуникативную опасность, таящуюся в ней. Исследователями отмечается, что разные тематические зоны общения обладают неодинаковой коммуникативной опасностью [2, р. 30; 3; 4; 5]. Темы, относящиеся в сознании носителей языка к особо деликатным, подталкивают говорящих быть более осторожными при выборе лексических средств и речевых актов. Коммуникант из всего разнообразия языковых средств отбирает те, которые, по его мнению, будут восприняты собеседником как вежливые и не приведут к коммуникативной неудаче или даже срыву коммуникации. На семантическом уровне такими языковыми единицами могут выступать эвфемизмы, а на уровне прагматики — имплицитные коммуникативные ходы.

Имплицитные коммуникативные ходы могут рассматриваться как косвенные речевые акты [6, с. 117]. Существует несколько причин, побуждающих коммуникантов использовать имплицитные высказывания. Это может быть отсутствие возможности эксплицитно выразить то или иное намерение посредством прямого речевого акта, стремление к сохранению «позитивной репутации» или нежелание реципиента (по каким-то причинам) говорить напрямую [7].

Имплицитность может быть рассмотрена как один из инструментов речевого маневрирования, поскольку «...предполагает, что передается смысл, вытекающий из речевой ситуации и соответствующей ситуативной информации в ее связях со значениями, выраженными в данном высказывании языковыми средствами» [8, с. 24]. Иными словами, речь идет об имплицитном «смысле», или не прямой коммуникации. По определению В. В. Дементьева, не прямой коммуникацией называется «содержательно осложненная коммуникация, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [9, с. 5].

Таким образом, имплицитность, имеющая своей целью завуалировать негативную коннотацию референта и одновременно не допустить негативную эмоциональную реакцию собеседника, можно рассматривать как один из способов речевого маневрирования.

Методы (Methods)

Коммуникативные нормы, принимаемые обществом сегодня, формируются в первую очередь в публичных коммуникациях и активно транслируются массмедиа для широкой аудитории. О. С. Иссерс отмечает «колоссальное влияние, которое оказывают современные медиа на формирование массовой культуры в целом и в сфере социально одобряемых норм поведения в частности» [10, с. 98].

Публичное интервью — один из самых популярных на текущий момент медиажанров с огромной аудиторией. В любом таком интервью присутствует двойной адресат (собеседник журналиста и массовая аудитория), что повышает требования к соблюдению приличий в рамках акта коммуникации [11, с. 182]. Таким образом, рассмотрение публичного общения в формате интервью представляет существенным для поставленной в исследовании цели,

поскольку соблюдение социальных норм и приличий подталкивает коммуникантов к использованию приемов речевого маневрирования.

Для анализа были использованы записи интервью журналиста и видеоблогера **Юрия Дудя** — с актерами Константином Хабенским и Сергеем Буруновым, бизнесменом Олегом Тиньковым, журналистами Владимиром Познером и Леонидом Парфеновым, политиком Павлом Грудининым; журналиста и телеведущего **Бориса Корчевникова** — с актерами Дмитрием Исаевым и Ириной Безруковой; журналиста и телеведущего **Владимира Познера** — с тренером Ириной Винер-Усмановой, оперным певцом Дмитрием Хворостовским и музыкантом Григорием Лепсом. Интервьюируемые — известные люди различных профессий в широком возрастном диапазоне, различающиеся как по социально-демографическим признакам, так и по уровням речевой культуры. Интервью были проведены в 2013–2020 гг. (всего 11 программ). Все они размещены в сети Интернет и отражают современные коммуникативные нормы.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Человеческое общение в большинстве своем строится в формате «вопрос — ответ». В интервью это чередование ролей коммуникантов выступает жанрообразующим признаком. Иногда вопросы интервьюера носят вполне «невинный» характер, но бывает и так, что в них скрывается провокация. Такие вопросы могут поставить интервьюируемого в неловкое положение, когда велик риск нанесения вреда собеседнику.

Среди возможных коммуникативных приемов ухода от ответа на вопросы исследователи выделяют прямой и косвенный отказ отвечать, возмущение, различные способы рефлексии по поводу уместности вопроса, шутливый ответ [10, с. 98–99]. Однако арсенал приемов у каждого участника диалога различен и во многом определяется его языковой личностью и установкой на кооперативное/конфликтное общение. Материал исследования позволяет установить широкий спектр применяемых коммуникативных ходов.

Реализуя свое право на нежелание обсуждать заданную собеседником тему или выражать свое мнение, говорящий может задействовать коммуникативный прием **прямого отказа отвечать** и тем самым уйти от коммуникативного риска.

(1) Ю. Дудь (В. Познеру): *Я попытаюсь спустя три года уточнить у Вас ровно две фамилии. Входят ли в этот список (профессиональных журналистов России. — О. И., А. Ж.) Владимир Соловьев и Дмитрий Киселев?*

В. Познер: *Значит я отвечаю Вам сейчас. В ответ на Ваш вопрос я скажу: без комментариев.*

Это единственный прямой отказ отвечать в отобранном нами материале, где журналист ушел от ответа, не скрывая этого намерения, при помощи устойчивого выражения *без комментариев*. Заметим, что оно не совсем нейтрально, поскольку может выражать не только прямой отказ, но и скрытое раздражение, нежелание включаться в дальнейшие обсуждения темы, а также может быть мотивировано корпоративными нормами.

Другой разновидностью ухода от ответа на «неудобный» вопрос может считаться **уклонение**. Так, в одном из случаев

собеседник вместо прямого ответа решил апеллировать к неуместности заданного вопроса.

(2) В. Познер (Д. Хворостовскому): *Вы сказали как-то, что не стали бы подавать руку Бушу за войну в Ираке. А у нас есть кто-нибудь, кому бы Вы не стали подавать руку?*

Д. Хворостовский: *Такой провокационный вопрос.*

В другом случае говорящий ответил вопросом на вопрос, который, в свою очередь, косвенно указывает на несоответствие представлений о допустимости обсуждения темы заработной платы в диалоге интервьюируемого и журналиста.

(3) Ю. Дудь (С. Бурунову): *Сколько платят актерам озвучки?*

С. Бурунов: *На этот вопрос надо отвечать, да?*

В остальных случаях говорящие предпочли дать обоим ценные ответы.

(4) В. Познер (И. Винер-Усмановой): *Когда и где Вы были более всего счастливы?*

И. Винер-Усманова (смеется): *Об этом история умалчивает, был такой период.*

(5) Б. Корчевников (Д. Исаеву): *Вы когда-нибудь из-за этого переживали, из-за того, что отцовского, мужского не хватало в детстве?*

Д. Исаев: *Чтобы о чём-то сожалеть, нужно иметь такой опыт.*

(6) Ю. Дудь (К. Хабенскому): *А почему он (сын) живет в Барселоне?*

К. Хабенский: *Так сложилось, так получилось.*

(7) Ю. Дудь (Л. Парфенову): *Кто три лучших журналиста в России?*

Л. Парфенов: *У нас такой скудный рынок.*

В последнем из приведенных примеров генерализация была задействована исходя из установки «не хочу никого обидеть». Такой тип поведения типичен для вопросов, предполагающих однозначный конкретный ответ, который, однако, может иметь негативные последствия для говорящего и его социальных контактов.

Если говорить о тематических зонах функционирования приема уклонения, то чаще всего он использовался при высказывании негативного мнения и осуждения, а также в ответах о личных и семейных взаимоотношениях и финансовых аспектах.

Шутка в качестве ответа на вопрос также представляет собой вариант ухода от прямого ответа. Таким образом решается задача избежать коммуникативного риска от ответа по существу на вопрос, угрожающий имиджу интервьюируемого. Как отмечал в одном из интервью М. Жванецкий, когда тебя спрашивают, изменял ли ты жене, любой ответ выглядит по-дурацки.

(8) Ю. Дудь (С. Бурунову): *Вы, кстати, как, когда любовные сцены? Вы испытываете смущение?*

С. Бурунов: *Ну... Смешанные чувства (смеется). Знаешь, что такое смешанные чувства? Это когда твоя теща на твоей машине летит с моста вниз, в реку, вот.*

(9) Ю. Дудь (Л. Парфенову): *Кто хуже — Сталин или Гитлер?*

Л. Парфенов: *Разница лишь в форме усов.*

Данные примеры демонстрируют, что собеседник не готов всерьез обсуждать обозначенную тему, но для поддержания разговора дает шуточный ответ. Шутка, стоит

отметить, успешно смещает фокус разговора и при этом сохраняет позитивный характер общения. Тем не менее для эффективной реализации установки на кооперативное общение крайне важна уместность подобранной шутки, а невозможность частого применения такого приема объясняется высокой вероятностью негативной эмоциональной реакции со стороны интервьюера при постоянном «отшучивании» собеседника.

Ирония рассматривается исследователями как одно из средств непрямого коммуникации [12]. Создание иронического контекста при помощи лексических средств осуществляется за счет эмоционально-оценочного и экспрессивного употребления языковых единиц с целью скрытой насмешки. Интонация также играет большую роль в создании иронического эффекта, именно поэтому в устной речи ироническое высказывание легче поддается верной дешифровке. Прием иронического вопроса/ответа используют как журналисты, так и их собеседники.

(10) Ю. Дудь (К. Хабенскому): *«Ирония судьбы. Продолжение». Зачем Вы на это [с пренебрежением] согласились?*

(11) Ю. Дудь (О. Тинькову): *Вы только что ели в Мак-Дональдс. Вы так не любите себя? [о дешевой, низкокачественной еде в упомянутом ресторане].*

(12) О. Тиньков: *Она делает не кошерные вещи [о низком качестве работы Ксении Соловьевой].*

(13) Л. Парфенов: *Если уж Вы хотите инвентаризировать мои доходы...*

(14) И. Винер-Усманова: *Об этих допинговых скандалах узнали от людей, которых теперь называют информаторами.*

(15) Ю. Дудь: *Пацанам дана возможность играть в оппозицию [делать вид; фиктивная, ненастоящая].*

(16) Г. Лепс: *Потому что у людей память короткая и они забывают, как всё чудесно было в советское время.*

(17) С. Бурунов: *такая роль... друг сестры Мальша [малозначительная второстепенная роль, за исполнение которой мало платят].*

Данный прием довольно рискованный, поскольку грань, на которой говорящий балансирует, может быть легко нарушена прямой насмешкой, что приведет к коммуникативной неудаче.

В целях создания иронического смысла используется и **игра слов**, которую также можно рассматривать как прием речевого маневрирования.

(18) Ю. Дудь (С. Бурунову): *Проблема с этими выборами, что там особо выбора-то не было.*

Данный коммуникативный ход не частотен в употреблении, поскольку игра слов — сложный прием, требующий подходящих коммуникативных условий и языковых ресурсов.

Намек можно отнести к способам речевого маневрирования, направленным на то, чтобы скрыть истинное намерение говорящего, зашифровать его таким образом, чтобы оно было понято только после определенных когнитивных операций со стороны реципиента.

В аспекте речевого маневрирования выделяются два вида намеков. В первом случае говорящий дает собеседнику установку на самостоятельную догадку или подталкивает к вербализации неприличного/негативного денотата

посредством таких фраз, как *напомните мне* или *Вы упустили, по-моему,...*

(19) Ю. Дудь (П. Груднину): *Напомните, кто строил все эти заводы в Магнитогорске, во всех других местах?*

П. Груднин: *Советские люди.*

Ю. Дудь: *Вы упустили, по-моему, какое-то определение.*

П. Груднин: *Нет, советские люди.*

Ю. Дудь: *Заключенные советские люди.*

Вторая разновидность намека — пропуск говорящим неприятной части сообщения (неполнота высказывания). В таких случаях слушающему самому необходимо понять, чем должен быть заполнен пропуск, на что намекал собеседник.

(20) И. Безрукова: *Дети людей, которые выпивали, как правило, тоже склонны...* [о злоупотреблении алкоголем].

Приведенные примеры речевых маневров в речи участников публичного диалога в жанре интервью демонстрируют набор распространенных приемов ухода от коммуникативных рисков.

Заключение (Conclusion)

Речевое маневрирование используется говорящим в ситуациях, когда перед ним стоит коммуникативная задача

с таящимся в ней коммуникативным риском. Как показывают наблюдения за речевыми практиками, для ухода от коммуникативной неудачи и/или конфликтного общения бывает недостаточно прибегнуть к узуальным или окказиональным эвфемистическим единицам. В таких случаях говорящий может задействовать потенциал речевого маневрирования на прагматическом уровне, обратившись к косвенным речевым актам.

Имплицитные компоненты семантики в современных публичных диалогах реализуются посредством различных коммуникативных ходов (приемов): не прибегая к прямому отказу от ответа на вопрос, коммуниканты используют уклонение от прямого ответа, шутку, иронию, игру слов, намек. Стремление говорящего к непрямому выражению своего отношения к собеседнику либо ситуации, уклонение от прямой оценки чьих-либо поступков или высказываний, которые обсуждаются в публичном интервью, помогают избежать потенциально конфликтных ситуаций в общении, сгладить острые темы в беседе, уйти от нанесения вреда имиджу собеседника или своему собственному, что в итоге позволяет избежать коммуникативных неудач.

Источники

1. Интернет-сайт авторской программы Владимира Познера «Познер». URL: <https://www.1tv.ru/shows/pozner> (дата обращения: 13.01.2022).
2. Интернет-сайт авторской программы Бориса Корчевникова «Судьба человека с Борисом Корчевниковым». URL: <https://smotrim.ru/brand/62239> (дата обращения: 13.01.2022).
3. Ютуб-канал «вДудь». URL: https://www.youtube.com/channel/UCMCgOm8GZkHp8zJ6I7_hluA (дата обращения: 13.01.2022).

Библиографический список

1. Кормилицына М. А. Типы коммуникативных рисков // Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении : моногр. / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2016. С. 9–12.
2. Trudgill P. Sociolinguistics: An Introduction to Language and Society. London ; New York : Penguin, 1995. 204 p.
3. Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М. : Флинта : Наука, 2008. 464 с.
4. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 384–408.
5. Журова А. В. Зоны коммуникативного риска в современном русском языке (на основе анализа эвфемизмов) // Изв. Смол. гос. ун-та. 2021. № 2 (54). С. 99–111. DOI: 10.35785/2072-9464-2021-54-2-99-111
6. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи : моногр. М. : Едиториал УРСС, 2002. 284 с.
7. Бочкарев А. И. Причины употребления косвенных речевых актов // Изв. Тул. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 379–385.
8. Бондарко А. В. Эксплицитность/имплицитность выражения смыслов в общей системе категоризации семантики // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов : материалы Междунар. науч. конф. Калининград : Изд-во Рос. гос. ун-та им. И. Канта, 2006. С. 22–33.
9. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. 248 с.
10. Иссерс О. С. Грани «приличного/неприличного» в публичной коммуникации (на примере интервью Юрия Дудя) // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации : материалы Междунар. науч. конф., сост. в Ин-те лингвистики Рос. гос. гуманитар. ун-та 23–24 октября 2018 г. М. : Политическая энциклопедия, 2018. С. 94–103.
11. Иссерс О. С. Массовая речевая культура в аспекте медиатизации социальных коммуникаций // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. : История, филология. 2019. Т. 18, № 6. С. 177–187. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-6-177-187
12. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М. : Гнозис, 2006. 376 с.

References

- Bochkarev A. I. (2012) Prichiny upotrebleniya kosvennykh rechevykh aktov [The Reasons of Indirect Speech Acts Using], *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Tidings of the Tula State University. Humanitarian Sciences], no. 2, pp. 379–385. (in Russian)

Bondarko A. V. (2006) *Ehksplitsitnost'/implitsitnost' vyrazheniya smyslov v obshchei sisteme kategorizatsii semantiki [Explicitness/Implicitness of the Expression of Meanings in the General System of Categorization of Semantics]**, *Semantiko-diskursivnye issledovaniya yazyka: ehksplitsitnost'/implitsitnost' vyrazheniya smyslov [Semantic and Discursive Researches of Language: Explicitness/Implicitness of Meaning Expression]**. Kaliningrad, Rossiiskii gosudarstvennyi universitet imeni I. Kanta Publ., pp. 22–33. (in Russian)

Dement'ev V. V. (2000) *Nepryamaya kommunikatsiya i ee zhanry [Indirect Communication and Its Genres]**. Saratov, Saratovskii universitet Publ., 248 p. (in Russian)

Dement'ev V. V. (2006) *Nepryamaya kommunikatsiya [Indirect Communication]**. Moscow, Gnozis Publ., 376 p. (in Russian)
*Internet-sait avtorskoi programmy Borisa Korchevnikova "Sud'ba cheloveka s Borisom Korchevnikovym" [Website of the Author's Program of Boris Korchevnikov "The Fate of a Man with Boris Korchevnikov"]**. Available at: <https://smotrim.ru/brand/62239> (accessed: 13.01.2022). (in Russian)

*Internet-sait avtorskoi programmy Vladimira Poznera "Pozner" [Internet Site of the Author's Program of Vladimir Pozner "Pozner"]**. Available at: <https://www.1tv.ru/shows/pozner> (accessed: 13.01.2022). (in Russian)

Issers O. S. (2002) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi [Communication Strategies and Tactics of Russian Speech]**. Moscow, Editorial URSS Publ., 284 p. (in Russian)

Issers O. S. (2018) Grani "prilichnogo/neprilichnogo" v publichnoi kommunikatsii (na primere interv'yua Yuriya Dudy) [The Borderline Between the "Decent" and "Indecent" in Public Communication (As in the Case of Interview by Yuri Dud')]*, *Vezhlivost' i antivezhlivost' v yazyke i kommunikatsii [Politeness and Impoliteness in Language and Communication]**. Moscow, Politicheskaya ehntsiklopediya Publ., pp. 94–103. (in Russian)

Issers O. S. (2019) Massovaya rechevaya kul'tura v aspekte mediatizatsii sotsial'nykh kommunikatsii [Mass Speech Culture in Terms of Social Communications Mediatization], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [Vestnik NSU. Series: History and Philology]*, vol. 18, no. 6, pp. 177–187, doi: 10.25205/1818-7919-2019-18-6-177-187 (in Russian)

Kormilitsyna M. A. (2016) Tipy kommunikativnykh riskov [Types of Communication Risks], *Sirotnina O. B., Kormilitsyna M. A. (eds.) Riskogennost' sovremennoi kommunikatsii i rol' kommunikativnoi kompetentnosti v ee preodolenii [Riskiness of Modern Communications and the Role of Communicative Competence in Overcoming It]**. Saratov, Saratovskii universitet Publ., pp. 9–12. (in Russian)

Krysin L. P. (2000) Ehvfemizmy v sovremennoi russkoi rechi [Euphemisms in Modern Russian Speech]*, *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995) [The Russian Language At the End of 20th Century (1985–1995)]**. 2nd ed. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., pp. 384–408. (in Russian)

Senichkina E. P. (2008) *Slovar' ehvfemizmov russkogo yazyka [Dictionary of Euphemisms of the Russian Language]**. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 464 p. (in Russian)

Trudgill P. (1995) *Sociolinguistics: An Introduction to Language and Society*. London, New York, Penguin Publ., 204 p. (in English)

*Yutub-kanal "vDud'" [YouTube channel "vDud']**. Available at: https://www.youtube.com/channel/UCMCgOm8GZkHp8zJ6l7_hluA (accessed: 13.01.2022). (in Russian)

Zhurava A. V. (2021) Zony kommunikativnogo riska v sovremennom russkom yazyke (na osnove analiza ehvfemizmov) [Zones of Communication Risk in the Modern Russian Language (Based on Euphemisms Analysis)], *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of the Smolensk State University]**, no. 2 (54), pp. 99–111, doi: 10.35785/2072-9464-2021-54-2-99-111 (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен авторами статьи / Translated by the authors of the article.